

Анализ взаимодействия детей и взрослых при переводе детей из дома ребенка в замещающие семьи*

Е. В. Шабалина^а, Р. Ж. Мухамедрахимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Шабалина Е. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Анализ взаимодействия детей и взрослых при переводе детей из дома ребенка в замещающие семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. Вып. 2. С. 150–161.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.203>

Исследование посвящено изучению показателей взаимодействия детей с ранним опытом институционализации (ОИ) с близким взрослым как на этапе выхода из дома ребенка, так и на различных этапах проживания в замещающей семье (ЗС), а также их сравнению с взаимодействием родителей и детей в биологических семьях (БС). Для оценки качества взаимодействия использован метод PCERA, основанный на анализе видеозаписи свободной игры ребенка и взрослого. Всего проанализирован 31 случай взаимодействия близких взрослых и детей с ОИ и 51 случай взаимодействия родителей и детей в БС (возраст детей, соответственно, $29,3 \pm 22,9$ и $38,8 \pm 17,5$ мес.). Обнаружено, что при увеличении показателей взаимодействия по мере взросления детей значения этих показателей в целом на этапе выхода из дома ребенка и на разных этапах обследования в ЗС значимо не различаются. Показано, что в первые 24 месяца проживания ребенка в семье замещающие родители проявляют более низкий уровень чувствительности, отражения и вовлеченности во взаимодействие с ребенком, больше непредсказуемого поведения и негативных эмоций по сравнению с родителями из БС, а после 24 месяцев в ЗС у детей наблюдается ухудшение эмоциональной стабильности и сотрудничества, усиление негативного аффекта, по сравнению с обследованием на выходе из учреждения и относительно сверстников из БС. Полученные результаты подчеркивают необходимость усовершенствования подготовки замещающих родителей и создания программ психологического сопровождения ЗС, направленных на поддержку взаимодействия и формирования привязанности на наиболее ранних этапах после принятия ребенка в семью.

Ключевые слова: дети, опыт институционализации, взаимодействие с близким взрослым, дом ребенка, замещающая семья.

Интерес к изучению психического развития детей, имеющих опыт институционализации (ОИ) в детских сиротских учреждениях, прослеживается в работах многих современных авторов (Махнач, 2015; Солодунова, Мухамедрахимов, 2015; Zeanah et al., 2017; O'Connor et al., 2000; The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team,

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-013-00249/20 «Изучение нейрогормональных показателей развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях».

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

2008). При этом данные о влиянии качества социально-эмоционального окружения в домах ребенка на развитие детей свидетельствуют, что негативные изменения показателей развития и психического здоровья детей связаны с нестабильностью и нечувствительностью первичного окружения в виде большого числа часто меняющихся сотрудников в сочетании с их низкой чувствительностью к социально-эмоциональным сигналам ребенка (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Результаты исследований детей с ранним ОИ, принятых в замещающие семьи (ЗС), свидетельствуют о проявлении у них нарушений сенсорного, физического, когнитивного, социально-эмоционального развития, расстройств привязанности, поведения и эмоциональной регуляции (O'Connor et al., 2000; McCall et al., 2016; MacLean, 2003; Агаркова, Мухамедрахимов, 2017; Мухамедрахимов и др., 2020).

Исследования показывают, что одним из факторов смягчения последствий раннего депривационного ОИ, наряду с длительностью пребывания (MacLean, 2003) и тяжестью депривации (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008), является качество взаимодействия с близким взрослым в ЗС (Garvin et al., 2012; Vantieghem et al., 2017). В частности, чувствительные и безопасные отношения с замещающей матерью могут нивелировать риск возникновения у ребенка расстройств экстернализации и интернализации (Vantieghem et al., 2017; Reuben, 2016). Эмоциональная доступность приемных родителей ассоциируется с улучшением у ребенка способности понимать эмоции и с уменьшением проявлений неразборчивого дружелюбия (Garvin et al., 2012). При этом в литературе делается акцент на изучение привязанности ребенка с ОИ к близкому взрослому или на отдельных аспектах взаимодействия, тогда как комплексное изучение качества взаимодействия в диадах представлено лишь несколькими работами, указывающими на значительные трудности во взаимодействии детей с близким взрослым как в доме ребенка (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; Иванова, 2006), так и в ЗС (Плетенева, Мухамедрахимов, 2013).

При этом остается открытым вопрос о возможной динамике характеристик взаимодействия при переходе из дома ребенка в ЗС, а также на различных этапах проживания в ЗС. Таким образом, научная актуальность настоящего исследования обусловлена нехваткой данных об особенностях взаимодействия детей с ранним ОИ с близкими взрослыми в российских ЗС, как по сравнению с взаимодействием в доме ребенка, так и на различных этапах проживания в семье, в том числе в сравнении с детьми без ОИ, от рождения проживающими в биологических семьях (БС). Прикладная актуальность работы связана с принятой в Российской Федерации Национальной стратегией действий в интересах детей (Указ Президента РФ № 761 от 1 июня 2012 г.), включающей переход от системы сиротских учреждений к приоритетности семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Наблюдаемое в связи с этим увеличение числа детей, принимаемых в ЗС, предполагает разработку новых и усовершенствование существующих программ сопровождения ЗС с учетом социально-эмоциональных потребностей детей с ранним ОИ, а также особенностей их взаимодействия с родителями в ЗС.

Целью данного исследования является изучение показателей взаимодействия детей с опытом проживания в социально-эмоционально депривационных условиях детского учреждения с близким взрослым, как на этапе выхода из дома ребенка,

так и на различных этапах проживания в замещающей семье, и их сравнение с показателями взаимодействия детей и родителей в биологических семьях.

Метод

Характеристики учреждения. Данное исследование проводилось на базе типичного дома ребенка г. Санкт-Петербурга, в котором в период обследования на каждую группу из 10–14 близких по возрасту и уровню развития детей приходилось по 9 работающих по сменному графику сотрудниц и по достижении определенного возраста дети переводились из одной группы в другую. Такое непостоянство первичного окружения в сочетании с низкой чувствительностью и отзывчивостью персонала к сигналам ребенка свидетельствовало о социально-эмоциональной депривации потребностей детей в доме ребенка (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008).

Участники и дизайн исследования. Основную выборку исследования составил 21 типично развивающийся ребенок (9 мальчиков, 12 девочек) с ранним опытом институционализации (группа ОИ) в описанном выше доме ребенка и их близкие взрослые как на этапе выхода из учреждения, так и после перевода в ЗС (в форме безвозмездной и возмездной опеки (приемная семья) или усыновления). Средняя длительность пребывания детей в доме ребенка — $11,2 \pm 6,9$ мес., среднее время в ЗС — $23,1 \pm 11,3$ мес., средний возраст в целом на всех этапах обследования — $29,3 \pm 22,9$ мес. Анализ показателей взаимодействия проводился на трех этапах: 1) на выходе из дома ребенка с групповыми сотрудницами ($n = 10$, возраст детей — $21,6 \pm 12,7$ мес., 4 мальчика, 6 девочек); 2) в течение первых 24 месяцев в ЗС (с усыновителями или опекунами; $n = 12$, $43,8 \pm 15,3$, 6 мальчиков, 6 девочек); 3) 25–48 месяцев в ЗС ($n = 9$, $57,8 \pm 15,7$, 5 мальчиков, 4 девочки). Всего был проанализирован 31 случай взаимодействия близких взрослых и детей с ранним ОИ.

В качестве группы сравнения выступали родители с типично развивающимися детьми без ОИ, от рождения воспитывавшиеся в биологических семьях (группа БС). В группу вошла 51 пара родителей и детей (28 мальчиков, 23 девочки) в возрасте $38,8 \pm 17,5$ мес., распределенных в три подгруппы в соответствии с возрастом и полом детей основной выборки на различных этапах ее обследования: 1) 18 детей в возрасте $21,8 \pm 5,1$ мес., 8 мальчиков, 10 девочек; 2) 22 ребенка, $39,6 \pm 9,2$ мес., 13 мальчиков, 9 девочек; 3) 11 детей, $65,1 \pm 5,8$ мес., 7 мальчиков, 4 девочки.

Во время обследования в доме ребенка роль близкого взрослого выполняла сотрудница дома ребенка, у которой был установлен хороший контакт с ребенком и существовала взаимная симпатия с ним. Одна сотрудница могла сопровождать разных детей из своей группы. При обследованиях в ЗС и БС в качестве близкого взрослого выступали чаще всего мама (73–76% случаев) или бабушка (19–20%). Средний возраст взрослых составил $40,1 \pm 7,6$ лет в ЗС ($39,6 \pm 8,2$ лет на этапе <24 мес. и $40,9 \pm 7,2$ лет на этапе 25–48 мес.) и $30,8 \pm 6,3$ лет в БС ($29,4 \pm 6,2$ лет при сравнении на этапе выхода из дома ребенка; $32,4 \pm 6,5$ лет при сравнении на этапе <24 мес. и $29,9 \pm 6,1$ лет на этапе 25–48 мес.). Близкие взрослые в ЗС в 50% случаев состоят в браке или живут с партнером, в то время как в БС доля полных семей достигает 86,3% ($\chi^2(6) = 19,9$, $p = 0,003$). Большинство ЗС, как и БС, имеют доход не ниже средне-

го (77,8 и 72,5 % соответственно), не менее 13 лет образования (61,1 и 78,4 %), а также воспитывают единственного ребенка (88,9 и 90,2 %).

Набор детей и родителей в ЗС проводился через социального работника дома ребенка, который на этапе перевода детей в семью информировал родителей о возможности присоединиться к исследованию. Набор детей и родителей в БС проводился по объявлению в детской поликлинике того же района Санкт-Петербурга, в котором находится дом ребенка. Набор участников исследования взаимодействия близких взрослых и детей проводился и исследовательский материал был получен в рамках российско-американского проекта «Долгосрочное влияние раннего социально-эмоционального опыта на развитие ребенка», грант Национального института детского здоровья и развития человека (USA National Institute of Child Health and Human Development, no. HD050212).

Метод исследования. Для изучения взаимодействия детей и взрослых был использован метод PCERA (Clark, 1985), позволяющий оценить качество взаимодействия по результатам анализа видеозаписи 5-минутного эпизода свободной игры ребенка и взрослого. Метод включает 65 показателей взаимодействия, распределенных по трем группам (со стороны взрослого, со стороны ребенка, в паре) и оцениваемых по пятибалльной шкале (1 — проблемная область, 5 — область проявления сильных сторон).

В целях оптимизации структуры показателей взаимодействия был проведен факторный анализ результатов оценки взаимодействия по всем представленным в методе PCERA показателям. Факторный анализ проводился на трех выборках (дом ребенка, ЗС и БС) методом максимального правдоподобия с варимаксным вращением с нормализацией Кайзера отдельно по 28 детским, 29 взрослым и 8 диадным показателям. Были выделены следующие факторные показатели:

Со стороны ребенка:

- активность, качество исследовательской игры (доля объясненной дисперсии в разных выборках 19–22 %);
- эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество (13–18 %);
- положительные эмоции, зрительный контакт (9–14 %).

Со стороны взрослого:

- чувствительность к сигналам ребенка, отражение, вовлеченность во взаимодействие (13–18 %);
- отсутствие негативных эмоций и реакций, предсказуемость (14–26 %);
- энтузиазм, жизнерадостность, положительные эмоции (13–17 %).

В диаде: взаимность, регуляция взаимодействия, позитивная вовлеченность (43–55 %). В дальнейшем анализе данных учитывались факторные показатели, суммарные показатели взаимодействия со стороны детей, взрослых, а также общий суммарный показатель.

Процедура исследования. Видеозапись взаимодействия ребенка и взрослого в доме ребенка проводилась в специально оборудованной комнате (с отдельными видеокамерами, направленными на ребенка и на взрослого, видеомикшером, видеоманитофоном и телевизором). Видеосъемка взаимодействия в ЗС и БС

проводилась с помощью видеокамеры в домашних условиях во время посещения семьи членами исследовательской группы. Согласно инструкции, взрослым и в доме ребенка, и в семьях было предложено поиграть с ребенком в свободной форме, так, «как это происходит обычно». При этом паре предлагался набор игрушек, соответствующий возрасту ребенка. На камеру записывалось 5 минут взаимодействия, во время которых взрослый и ребенок по возможности располагались так, чтобы были видны их лица. Анализ видеозаписей взаимодействия был выполнен специалистами, прошедшими специальное обучение, с уровнем совпадения результатов между специалистами и с экспертными результатами не менее 95 %.

Методы анализа данных. Для сравнения средних суммарных показателей взаимодействия был проведен ковариационный анализ (ANCOVA), а для отдельных факторных показателей — многомерный ковариационный анализ (MANCOVA) с ковариатой (возраст ребенка на момент обследования) и с парными сравнениями с корректировкой по критерию Бонферрони. Решения о статистической достоверности принимались на 5 % уровне значимости, однако в некоторых случаях рассматривались на уровне 5–10 % тенденции. Статистическая обработка проводилась с помощью пакета программного обеспечения SPSS 23.0.

Результаты исследования

Взаимодействие близких взрослых и детей с ранним ОИ при переходе из дома ребенка в семью. По итогам статистического анализа качества взаимодействия с близкими взрослыми детей с ОИ при переходе из дома ребенка в ЗС значимых как по суммарным (ANCOVA), так и по отдельным факторным показателям (MANCOVA) изменений взаимодействия в целом не обнаружено. При этом определено улучшение взаимодействия со стороны детей с увеличением их возраста для суммарного ($10,1 \pm 1,37$ на этапе выхода из дома ребенка, $10,9 \pm 1,32$ на этапе до 24 мес. в ЗС, $11,08 \pm 1,43$ на этапе 25–48 мес. в ЗС) и факторных показателей «Активность, качество исследовательской игры» (соответственно $3,4 \pm 0,52$, $3,9 \pm 0,42$, $3,9 \pm 0,71$), «Положительные эмоции, зрительный контакт» ($2,8 \pm 0,49$, $3,2 \pm 0,7$, $3,5 \pm 0,36$), а также снижение с возрастом показателя «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» ($3,9 \pm 0,53$, $3,8 \pm 0,44$, $3,7 \pm 0,52$) (для изменений показателей взаимодействия с возрастом $F(1, 27) = 3,3-9,8$, $0,004 \leq p \leq 0,08$, $\eta^2 = 0,11-0,27$). При исключении влияния возраста наблюдается значимое снижение значений показателя «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» у детей на этапе 25–48 мес. в ЗС ($3,4 \pm 0,17$), по сравнению с обследованием на выходе из дома ребенка ($4,3 \pm 0,17$) ($F(2, 27) = 4,5$, $p = 0,021$, $\eta^2 = 0,25$).

Сравнение показателей взаимодействия близких взрослых и детей с ранним ОИ в ЗС, а также родителей и детей в БС свидетельствует, что при обследовании на выходе из дома ребенка показатели взаимодействия значимо различаются в связи с возрастом детей, но не в связи с их принадлежностью к группе (ОИ или БС). Этот результат был получен для общего суммарного показателя взаимодействия (среднегрупповые значения для ОИ и БС соответственно $23,6 \pm 0,87$ и $23,7 \pm 0,65$), суммарного детского показателя ($10,1 \pm 0,35$ и $10,3 \pm 0,26$), а также таких показате-

лей взаимодействия со стороны детей, как «Активность, качество исследовательской игры» ($3,4 \pm 0,52$ и $3,6 \pm 0,48$) и «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» ($3,9 \pm 0,52$ и $3,7 \pm 0,38$) (для изменений показателей взаимодействия с возрастом $F(1, 25) = 3,8-6,7$, $0,016 \leq p \leq 0,06$, $\eta^2 = 0,13-0,21$).

При обследовании в течение первых 24 месяцев в ЗС обнаружены различия показателей взаимодействия, обусловленные как возрастом детей, так и принадлежностью к группе (ОИ или БС). Так, возрастом детей обусловлено изменение суммарного детского показателя ($10,9 \pm 0,38$ для ОИ и $11,0 \pm 0,28$ для БС), факторных детских показателей «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» (соответственно $3,8 \pm 0,16$ и $3,9 \pm 0,11$) и «Положительные эмоции, зрительный контакт» ($3,2 \pm 0,2$ и $3,3 \pm 0,15$), а также диадного показателя «Взаимность, регуляция взаимодействия, позитивная вовлеченность» ($3,2 \pm 0,15$ и $3,3 \pm 0,11$) (для изменений показателей с возрастом $F(1, 31) = 3,6-7,9$, $0,009 \leq p \leq 0,066$, $\eta^2 = 0,11-0,2$). Различия общего суммарного показателя взаимодействия обусловлены как возрастом детей ($23,4 \pm 0,83$ и $24,9 \pm 0,61$), так и принадлежностью к группе ($23,2 \pm 0,8$ для ОИ и $25,0 \pm 0,59$ для БС) ($F(1, 31) = 3,2-3,8$, $0,06 \leq p \leq 0,08$, $\eta^2 = 0,09-0,11$). Только принадлежностью к группе обусловлены различия значений суммарного показателя взаимодействия со стороны взрослых ($9,3 \pm 0,38$ и $10,5 \pm 0,28$), а также факторных показателей взрослых «Чувствительность к сигналам ребенка, отражение, вовлеченность во взаимодействие» ($3,0 \pm 0,16$ и $3,4 \pm 0,12$) и «Отсутствие негативных эмоций и реакций, предсказуемость» ($3,2 \pm 0,18$ и $3,9 \pm 0,13$) при более высоких показателях у взрослых в БС ($F(1, 31) = 3,2-9,9$, $0,04 \leq p \leq 0,06$, $\eta^2 = 0,11-0,24$).

При обследовании на этапе проживания 25–48 месяцев в ЗС различие было выявлено по детскому показателю «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» — он оказался зависим от принадлежности к группе и был более высоким у детей в БС ($3,8 \pm 0,14$ для ОИ и $4,2 \pm 0,13$ для БС; $F(1, 17) = 6,1$, $p = 0,025$, $\eta^2 = 0,26$).

Обсуждение результатов

Согласно результатам исследования взаимодействия детей с ранним ОИ и близких взрослых, изменение показателей взаимодействия в этой группе обусловлено не переходом из институционального окружения в семейное (из дома ребенка в семью) или периодом проживания ребенка в ЗС (до 24 мес., 25–48 мес.), а возрастом детей: чем старше, тем более высокие значения взаимодействия. С одной стороны, эти результаты соответствуют данным литературы об улучшении показателей взаимодействия у детей с ранним ОИ с возрастом (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; Иванова, 2006). С другой стороны, необходимо иметь в виду, что среднегрупповые значения показателей взаимодействия на всех этапах были средними по использованной в методике шкале оценки (от 1 до 5), то есть одинаково невысокими как в доме ребенка, так и в ЗС. Это соответствует данным литературы о низком качестве взаимодействия персонала и детей в социально-эмоционально депривационных условиях дома ребенка по сравнению с уровнем взаимодействия в домах ребенка с улучшенным социально-эмоциональным окружением (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008). В то же время

наблюдаемое на фоне средних значений отсутствие значимых изменений качества взаимодействия детей со взрослыми при их переводе в ЗС и после более чем двух лет проживания в ЗС указывает на существенные трудности в системе взаимодействия «ребенок — близкий взрослый» не только в депривационных условиях дома ребенка, но и в ЗС. Это может быть связано с тем, что после принятия в ЗС дети долгое время продолжают опираться на негативный опыт взаимодействия, полученный в учреждении. Кроме того, со стороны замещающих родителей причиной низкого качества взаимодействия с детьми может быть переживаемый родителями стресс (MacLean, 2003; Gabler S. et al., 2018), а также недостаточная подготовка будущих родителей перед принятием ребенка в семью (Махнач, 2015).

По результатам проведенного исследования, при исключении влияния на показатели взаимодействия возраста детей качество их взаимодействия с замещающими родителями не только не меняется положительно по сравнению с взаимодействием с групповыми сотрудниками дома ребенка, но может быть и ниже (на примере детского показателя «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество»). Ухудшение значений этого показателя спустя 24 месяца после перехода ребенка в семью может свидетельствовать, во-первых, о низкой чувствительности к потребностям детей не только у сотрудниц дома ребенка, что описано в литературе (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008), но и у замещающих родителей; во-вторых, это может отражать разное отношение сотрудниц и замещающих взрослых к проявлению негативных эмоций детьми. Так, если в домах ребенка сдерживание негативных эмоций и послушность поощряется (Солодунова, Мухамедрахимов, 2015; The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008), то в ЗС родители могут относиться к негативным эмоциям детей с большим терпением, однако в сочетании с общей эмоциональной нечувствительностью это может приводить к расширению репертуара негативных реакций у ребенка.

По итогам сравнительного анализа особенностей взаимодействия близких взрослых и детей с ранним ОИ и родителей и детей в БС установлено, что на этапе выхода из учреждения все показатели взаимодействия улучшаются с возрастом детей, как и у сверстников в БС, но значимо между двумя группами не отличаются. С одной стороны, эти результаты подтверждают данные литературы об улучшении детских и диадного показателей взаимодействия с возрастом как у детей с ранним ОИ в доме ребенка, так и у детей из БС, при относительной стабильности показателей взаимодействия со стороны взрослых (Иванова, 2006). С другой стороны, учитывая невысокие среднегрупповые показатели взаимодействия, результаты свидетельствуют об одинаково низком качестве взаимодействия не только взрослых (сотрудниц дома ребенка, замещающих родителей) и детей с ранним ОИ, но и родителей и детей в БС. В первые 24 месяца пребывания в ЗС отличия взаимодействия детей и родителей от взаимодействия в БС проявляются в более высоких показателях со стороны биологических родителей и, соответственно, в суммарном показателе взаимодействия родителей и детей в БС, но не проявляются в показателях взаимодействия со стороны детей и в диадном показателе. Иными словами, несмотря на более высокие показатели взаимодействия биологических родителей, выделенное на этапе выхода из учреждения отсутствие межгрупповых различий и низкое качество взаимодействия продолжается и на этапе 24 месяцев проживания

ния в ЗС, проявляясь в отсутствии различий между показателями взаимодействия со стороны детей и в диаде.

Согласно результатам исследования, на этапе 25–48 месяцев проживания детей в ЗС их значения по показателю «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество» становятся ниже, чем у сверстников в БС. Такие результаты подкрепляют ранее полученные данные — о более частом проявлении негативных эмоций родителями в ЗС и ухудшении эмоциональной саморегуляции у детей с ранним ОИ в долгосрочной перспективе (Плетенева, Мухамедрахимов, 2013).

В целом обнаруженное в данной работе отсутствие изменений качества взаимодействия в парах «взрослый — ребенок» при переходе детей из дома ребенка в ЗС не в полной мере соответствует существующим в литературе представлениям о «догоняющем развитии» («developmental catch-up»), согласно которым дети с ОИ, попадая в ЗС, проявляют улучшение во многих сферах развития, наверстывают отставание от сверстников в БС и не отличаются от них (Garvin et al., 2012; IJzendoorn van, Juffer, 2006). Несмотря на то что по большинству детских показателей взаимодействия дети с ранним ОИ не отличаются от сверстников в БС, в обеих группах наблюдается относительно низкое качество взаимодействия со средними значениями показателей (по шкале от 1 до 5), и собственно наверстывания с положительными изменениями в сторону проявления сильных сторон взаимодействия не происходит. Кроме того, внутри самой группы детей с ранним ОИ улучшения показателей при переводе из дома ребенка в семьи и на различных этапах проживания в ЗС не наблюдается. Несоответствие результатов нашего исследования данным о «догоняющем развитии» может быть связано с тем, что в представленных в литературе исследованиях взаимодействие детей и близких взрослых не рассматривалось, а для изучения развития детей используются в основном опросники для родителей, в то время как данное исследование основано на методе наблюдения. Кроме того, литературные данные были получены по большей части при изучении детей, усыновленных из сиротских организаций развивающихся стран в семьи с высоким уровнем подготовки к усыновлению и воспитанию ребенка из стран с благоприятными социально-экономическими условиями. Результаты изучения развития усыновленных детей в этих исследованиях сравнивались с данными благополучного развития сверстников из семей страны усыновления. В нашем исследовании дети были приняты на воспитание не в зарубежные, а в отечественные ЗС. В выборку этих семей вошли не только семьи усыновителей, но и семьи опекунов, включая случаи опеки со стороны родственников и приемные семьи, а результаты сравнивались с данными изучения детей в отечественных БС. При этом, согласно полученным нами данным об уровне взаимодействия детей и родителей в БС, потребности психологического сопровождения в биологических семьях тоже значительны.

Известно, что ЗС с детьми с опытом социально-эмоциональной депривации нуждаются в профессиональном сопровождении (The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team, 2008; Асламазова и др., 2019). При этом специалисты в области психологического сопровождения ЗС в РФ расходятся в понимании сущности, целей, задач и методов сопровождения (Махнач, 2015; Ослон, 2015), не уделяют должного внимания представлениям о формировании ребенка в системе взаи-

модействия с близким взрослым. Полученные в нашей работе данные об уровне взаимодействия детей и родителей указывают на необходимость совершенствования подготовки будущих замещающих родителей с учетом сложностей взаимодействия с детьми с ОИ, на важность разработки и внедрения качественных и научно обоснованных программ раннего вмешательства и сопровождения семей с детьми раннего возраста, в том числе с ОИ, воспитывающихся в ЗС. Для более глубокого понимания особенностей взаимодействия детей и родителей в ЗС в дальнейшем предполагается проведение анализа характеристик взаимодействия в ЗС с детьми, ранее проживавшими в домах ребенка с различными условиями социально-эмоционального окружения.

Выводы

На основании проведенного анализа сделаны следующие выводы.

1. При переходе из социально-эмоционально депривационных условий дома ребенка в ЗС значения общего показателя взаимодействия, суммарного и отдельных показателей взаимодействия со стороны взрослого, ребенка и в диаде, при обследовании перед переводом ребенка из учреждения в семью и на разных этапах обследования в семье значимо не различаются.
2. Общий суммарный показатель, суммарный детский и факторные детские показатели взаимодействия «Эмоциональная стабильность, отсутствие негативного аффекта, сотрудничество», «Активность, качество исследовательской игры» и «Положительные эмоции, зрительный контакт», а также диадный показатель взаимодействия улучшаются с увеличением возраста детей как с ОИ, так и от рождения живущих в БС.
3. В первые 24 месяца после принятия ребенка в семью у замещающих родителей отмечается более низкий уровень чувствительности, отражения и вовлеченности во взаимодействие с ребенком, больше непредсказуемого поведения и негативных эмоций, чем у родителей в БС.
4. После двух лет проживания в ЗС у детей наблюдается ухудшение эмоциональной стабильности и сотрудничества, усиление негативного аффекта по сравнению с обследованием на выходе из учреждения и относительно сверстников из БС.

В целом, результаты изучения особенностей взаимодействия с близкими взрослыми детей с ранним ОИ и сравнение выявленных особенностей с данными, полученными на выборке детей из БС, свидетельствуют о потребности детей и родителей из ЗС в качественных и научно обоснованных программах психологического вмешательства, которые будут направлены на сопровождение процесса развития взаимодействия и формирования привязанности непосредственно после принятия ребенка в ЗС.

Литература

Агаркова В.В., Мухамедрахимов Р.Ж. Особенности наблюдаемого поведения детей в возрасте 5–8 лет с опытом и без опыта ции // Психология — наука будущего: Материалы VII Междунар. конф. молодых ученых. М., 2017. С. 20–24.

- Асламазова Л. А., Мухамедрахимов Р. Ж., Вершинина Е. А. Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. № 40 (1). С. 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920002249-9>
- Иванова В. Ю. О психологическом взаимодействии близких взрослых и детей, проживающих в семье и доме ребенка // Дефектология. 2006. № 1. С. 76–79.
- Махнач А. В. Профессиональная замещающая семья: статус, проблемы, решения // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 341–400.
- Мухамедрахимов Р. Ж., Туманьян К. Г., Черного Д. И., Асламазова Л. А. Привязанность у детей с опытом институционализации. Ч. II. Особенности привязанности у детей, проживающих в замещающих семьях // Психологический журнал. 2020. № 41 (6). С. 60–68.
- Ослон В. Н. Организационная модель психосоциального сопровождения замещающей семьи // Психологическая наука и образование. 2015. № 7 (2). С. 1–13.
- Плетенева М. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Особенности взаимодействия детей раннего возраста с родителями в замещающих семьях // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12 (3). С. 22–31.
- Солодунова М. Ю., Мухамедрахимов Р. Ж. Развитие эмоций у детей раннего возраста в условиях депривации // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 63–82.
- Clark R. The parent-child early relational assessment: Instrument and manual // Madison: University of Wisconsin Medical School, Department of Psychiatry, 1985.
- Gabler S. et al. Predictors of foster parents' stress and associations to sensitivity in the first year after placement // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 79. P. 325–338. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.02.009>
- Garvin M. C. et al. Postadoption parenting and socioemotional development in postinstitutionalized children // Development and psychopathology. 2012. Vol. 24 (1). P. 35–48. <https://doi.org/10.1017/S0954579411000642>
- Ijzendoorn van M. H., Juffer F. The Emanuel Miller Memorial Lecture 2006: Adoption as intervention. Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional, and cognitive development // Journal of child psychology and psychiatry. 2006. Vol. 47 (12). P. 1228–1245. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01675.x>
- MacLean K. The impact of institutionalization on child development // Development and psychopathology. 2003. Vol. 15 (4). P. 853–884. <https://doi.org/10.1017/s0954579403000415>
- McCall R. B. et al. The development of postinstitutionalized versus parent-reared Russian children as a function of age at placement and family type // Development and Psychopathology. 2016. Vol. 28 (1). P. 251–264. <https://doi.org/10.1017/S0954579415000425>
- O'Connor T. G. et al. Attachment disorder behavior following early severe deprivation: Extension and longitudinal follow-up // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2000. Vol. 39 (6). P. 703–712. <https://doi.org/10.1097/00004583-200006000-00008>
- Reuben J. D. et al. Warm parenting and effortful control in toddlerhood: Independent and interactive predictors of school-age externalizing behavior // Journal of abnormal child psychology. 2016. Vol. 44 (6). P. 1083–1096. <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0096-6>
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team. The Effects of Early Social-Emotional and Relationship Experience on the development of Young Orphanage Children // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008. Vol. 73 (3). P. 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>
- Vantieghem M. R. et al. Positive valence bias and parent-child relationship security moderate the association between early institutional caregiving and internalizing symptoms // Development and psychopathology. 2017. Vol. 29 (2). P. 519–533. <https://doi.org/10.1017/S0954579417000153>
- Zeanah C. H. et al. Alternatives for abandoned children: insights from the Bucharest Early Intervention Project // Current opinion in psychology. 2017. Vol. 15. P. 182–188. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.02.024>

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2020 г.;
рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Контактная информация:

Шабалина Екатерина Владимировна — аспирант; e.shabalina@spbu.ru
Мухамедрахимов Рифкат Жаудатович — д-р психол. наук, проф.; rjm@list.ru

Analysis of caregiver-child interaction when transferring children from a baby home to post-institutional families*

E. V. Shabalina^a, R. J. Muhamedrahimov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shabalina E. V., Muhamedrahimov R. J. Analysis of caregiver-child interaction when transferring children from a baby home to post-institutional families. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, issue 2, pp. 150–161. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.203> (In Russian)

The article presents a study of characteristics of the interaction of children with the experience of institutionalization and caregivers both at the departure from a baby home and at different stages of living in post-institutional families, as well as their comparison with characteristics of interaction of parents and children in biological families. Previous studies have shown that the quality of interaction with a caregiver is one of the factors that mitigate the effects of early deprivation. To assess the quality of interaction, the PCERA method was used, based on the analysis of video recordings of a child and his caregiver during free play. A total of 31 cases of interaction between caregivers and children with the experience of institutionalization (IE; average age 29.3 ± 22.9 months) and 51 cases of interaction in biological families (BF; 38.8 ± 17.5 months) were analyzed. It was found that during the transition from a baby home to a post-institutional family, the quality of caregiver-child interaction remains at a relatively low level. In the first 24 months of a child's residence in a family, foster parents have a lower level of sensitivity, mirroring and involvement in interaction with a child, more unpredictable behavior and negative emotions than parents in BF. After 24 months in a post-institutional family, children show a decrease in emotional stability and compliance and an increase in negative affect, in comparison with the assessment at the departure from an institution and in relation to their peers from a BF. At the same time, the overall total and some child's indicators improve with increasing age of children in both the IE and BF groups. The results obtained underline the need to create psychological follow-up programs for post-institutional families aimed at supporting the development of interaction and the formation of attachment at the earliest stages after the child is transitioned to a post-institutional family.

Keywords: children, experience of institutionalization, caregiver-child interaction, baby home, post-institutional family.

References

- Agarkova, V. V., Muhamedrahimov, R. J. (2017). *Characteristics of the observed behavior of children aged 5–8 years with and without experience of institutionalization*. [Conference presentation abstract]. VII International Conference of Young Scientists “Psychology is the Science of the Future”, November 14–15, 2017, Moscow (pp. 20–24). (In Russian)
- Aslamazova, L. A., Muhamedrahimov, R. Zh., Vershinina, E. A. (2019). Institutionalization experience and health level as factors of attachment behavior in children in post-institutional families. *Psichologicheskij Zhurnal*, 40 (1), 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920002249-9> (In Russian)
- Clark, R. (1985). *The parent-child early relational assessment: Instrument and manual*. Madison, University of Wisconsin Medical School, Department of Psychiatry.

---

* This work was supported by the RFBR grant no. 20-013-00249/20 “Study of neurohumoral developmental indicators in infants and young children brought up in substitute families”.

^a Corresponding author.

- Gabler, S. et al. (2018). Predictors of foster parents' stress and associations to sensitivity in the first year after placement. *Child Abuse & Neglect*, 79, 325–338. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.02.009>
- Garvin, M. C. et al. (2012). Postadoption parenting and socioemotional development in postinstitutionalized children. *Development and Psychopathology*, 24 (1), 35–48. <https://doi.org/10.1017/S0954579411000642>
- Ijzendoorn van, M. H., Juffer, F. (2006). The Emanuel Miller Memorial Lecture 2006: Adoption as intervention. Meta-analytic evidence for massive catch-up and plasticity in physical, socio-emotional, and cognitive development. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47 (12), 1228–1245. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01675.x>
- Ivanova, V. Ju. (2006). Psychological interaction of caregivers and children living in a family and in a baby home. In *Defektologija*, no. 1, pp. 76–79. (In Russian)
- MacLean, K. (2003). The impact of institutionalization on child development. *Development and Psychopathology*, 15 (4), 853–884. <https://doi.org/10.1017/s0954579403000415>
- Mahnach, A. V. (2015). Professional substitute family: status, problems, solutions. In A. V. Mahnach, A. M. Prihozhan, N. N. Tolstyh (eds.) *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt* (pp. 341–400). Moscow, Institute of psychology RAS Press. (In Russian)
- McCall, R. B. et al. (2016). The development of postinstitutionalized versus parent-reared Russian children as a function of age at placement and family type. *Development and Psychopathology*, 28 (1), 251–264. <https://doi.org/10.1017/S0954579415000425>
- Muhamedrahimov, R. Zh., Tuman'jan, K. G., Chernego, D. I., Aslamazova, L. A. (2020). Attachment in children with institutionalization experience. Part II. Attachment characteristics in children living in post-institutional families. *Psihologicheskij zhurnal*, 41 (6), 60–68. (In Russian)
- O'Connor, T. G. et al. (2000). Attachment disorder behavior following early severe deprivation: Extension and longitudinal follow-up. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 39 (6), 703–712. <https://doi.org/10.1097/00004583-200006000-00008>
- Oslon, V. N. (2015). Organizational model of psychosocial follow-up of post-institutional family. *Psihologicheskaja Nauka i Obrazovanie*, 7 (2), 1–13. (In Russian)
- Pleteneva, M. V., Muhamedrahimov, R. Zh. (2013). Characteristics of interaction of young children with parents in post-institutional families. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 12 (3), 22–31. (In Russian)
- Reuben, J. D. et al. (2016). Warm parenting and effortful control in toddlerhood: Independent and interactive predictors of school-age externalizing behavior. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 44 (6), 1083–1096. <https://doi.org/10.1007/s10802-015-0096-6>
- Solodunova, M. Ju., Muhamedrahimov, R. Zh. (2015). Development of emotions in young children in the context of deprivation. In A. V. Mahnach, A. M. Prihozhan, N. N. Tolstyh (eds.) *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt* (pp. 63–82). Moscow, Institute of psychology RAS Press. (In Russian)
- The St. Petersburg — USA Orphanage Research Team. (2008). The Effects of Early Social-Emotional and Relationship Experience on the development of Young Orphanage Children. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 73 (3), 1–262. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5834.2008.00483.x>
- Vantighem, M. R. et al. (2017). Positive valence bias and parent-child relationship security moderate the association between early institutional caregiving and internalizing symptoms. *Development and Psychopathology*, 29 (2), 519–533. <https://doi.org/10.1017/S0954579417000153>
- Zeanah, C. H. et al. (2017). Alternatives for abandoned children: insights from the Bucharest Early Intervention Project. *Current Opinion in Psychology*, 15, 182–188. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.02.024>

Received: December 11, 2020

Accepted: March 12, 2021

Authors' information:

Ekaterina V. Shabalina — Postgraduate Student; e.shabalina@spbu.ru
Rifkat J. Muhamedrahimov — Dr. Sci. in Psychology, Professor; rjm@list.ru